

СВѢТЪ ХРІТОВЪ ПРОСВѢЩАЕТЪ ВСѢХЪ.

Американскій Православный ВѢСТНИКЪ.

„Russian Orthodox American Messenger”

Terms of annual Subscription: Russian Edition — [Issued semimonthly] \$2.00; English Supplements — [issued monthly] \$1.50; Russian Edition and Supplements — \$3.00. *Rev. A. Hotovitzky, Publisher, 15 E. 97th St. N. Y. City*

— Entered at the Post Office as Second Class Mail Matter. —

Vol. XI. — No. 14. NEW YORK, 15 EAST 97TH STREET 15-28 ЮЛЯ 1907 г.

Отъ Сѣверо-Американскаго Духовнаго Правленія.

Государь Императоръ, въ 8-й день Юня сего года, ВЫСОЧАЙШЕ утвердить соизволилъ всеподданѣйшій докладъ Святѣйшаго Синода о бытіи ректору Кіевской Духовной Академіи, Преосвященнѣйшему ПЛАТОНУ, Епископу Чигиринскому, первому викарію Кіевской Епархіи, архіепископомъ Алеутскимъ и Сѣверо-Американскимъ.

Извѣщенное о семъ указомъ Святѣйшаго Синода отъ 22 дня того же Юня, за № 7368, Сѣверо-Американское Духовное Правленіе симъ предписываетъ Духовенству Алеутской и Сѣверо-Американской Епархіи отнынѣ возносить при богослуженіи по существующему чиноположенію имя Высокопреосвященнѣйшаго Платона, Архіепископа Алеутскаго и Сѣверо-Американскаго.

О различныхъ видахъ христіанской религіи, или же о разныхъ Церквахъ.

*Изъ твореній † Иннокентія, Архіепископа
Херсонскаго.*

Отчего христіанство существуетъ въ разныхъ формахъ? Отчего оно раздробилось на столько Церквей или же сектъ? Посмотримъ, какой духъ каждой Церкви и, въ частности, какой дух нашей Церкви, и какое ея отношеніе къ прочимъ? Но предваримъ это разрѣшеніемъ слѣдующаго вопроса: почему христіанство не осталось въ первомъ своемъ единствѣ? Гдѣ причины таковаго разрожденія Церквей христіанскихъ и множества сектъ? Причины сіи скрываются или а) въ самомъ христіанствѣ, или б) въ людяхъ, въ христіанахъ.

а) Высокость христіанскаго ученія, со многими строгими ограниченіями принимаемая, есть отчасти поводъ къ разногласію. Умъ, взявшись судить о таинствахъ христіанскихъ, недоумѣваетъ во многомъ, и потому заблуждается. Второю такого же рода причиною можетъ быть то, что христіанская религія изложена на человѣческомъ языкѣ, который, по своей неопредѣленности, всегда можетъ быть поводомъ къ разномыслію. Такимъ образомъ въ самой религіи можно находить, не причины или же источники раздѣленія Церквей, а одну только возможность, которая самими людьми приведена въ дѣйствительность. Не дѣлаетъ ли это нареканія на Промыслъ? Нѣтъ, ибо этого не возможно было избѣжать. Какъ языкъ человѣческой сдѣлать опредѣленнымъ во всей точности? Какъ сдѣлать религію достаточною для цѣли, исключивъ изъ нея таинства?

б) Причины, скрывающіяся въ людяхъ, суть двухъ родовъ: неизбѣжныя и

избѣжныя. Н е и з б ѣ ж н а я причина есть одна, именно: естественная разность умовъ, или же дарованій. Отсюда истекаетъ разность взглядовъ, ибо отъ этого одна и та же истина неодинаково понимается въ умахъ людей даже благонамѣренныхъ. Можно согласить миллионы людей въ томъ, чтобы они одно говорили и одно понимали, но нельзя заставить даже двухъ человѣкъ, чтобы они одну и ту же вещь одинаково представляли: можно произвести единство формальное въ словахъ и понятіяхъ людей, но въ мысляхъ этого сдѣлать нельзя, по крайней мѣрѣ при теперешнемъ состояніи ума. Но дѣйствіе сей причины недалеко простирается, ибо хотя умы различно принимаютъ истину, но это различіе касается только отбѣнокъ истины, а не самой ея середины или же сущности. Отъ различія умовъ произошло бы только то, что одинъ имѣлъ бы на религію взглядъ болѣе поверхностный, а другой—болѣе глубокий; одинъ видѣлъ бы ея слѣдствія, а другой усматривалъ бы и самыя причины, и поэтому одинъ руководствовался бы одною простою вѣрою, а другой христіанскою философіею. Всѣ эти взгляды были бы не что иное, какъ части одного общаго взгляда. Итакъ, эта причина сама по себѣ мало дѣйствительна; ее подкрѣпляетъ слѣдующая главная и вмѣстѣ у д о б о и з б ѣ ж и м а я причина разногласія христіанъ, т. е. страсти людей, подъ именемъ коихъ можно разумѣть вообще нечистое состояніе ума, и теоретическаго, и практическаго. Эта главная истинная причина раздѣленія христіанъ начала дѣйствовать очень рано. Церковь въ единствѣ недолго оставалась. Въ самой апостольской Церкви уже существовали различныя взгляды, Принятіе язычниковъ въ христіанскую Церковь, отношеніе христіанства къ иудейству и особенно законъ обрядовый были въ то время предметомъ сужденій

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЫЙ ПЛАТОНЪ.
Архієпископъ Алеутскій и Сѣверо-Американскій.

и даже споровъ. Эти предметы были понимаемы различно, такъ что и апостолы для другихъ казались какъ бы нерѣшительными, не въ началахъ, а въ приложеніи сихъ началъ къ частнымъ дѣйствіямъ. Напр. Петръ казался Павлу зазорнымъ. Послѣ время апостольскихъ это разногласіе взглядовъ обратилось въ разногласіе мнѣній. Со II-го вѣка начали появляться еретики гностики, секты еретиковъ греческихъ и проч. Съ IX-го вѣка произошло явное раздѣленіе Церквей, а съ XV-го еще большее ихъ раздробленіе. Эти дробленія слѣдовали-ль какимъ законамъ или были дѣломъ одной случайности? Среди этого разнообразія можно отыскать общіе законы, по которымъ направлялись все сіи взгляды на христіанскую религію. Разные взгляды на христіанство могли направляться и дѣйствительно были направляемы съ трехъ слѣдующихъ точекъ:

1) Со стороны его божественности—его происхожденія и начала; 2) со стороны внутренняго и внѣшняго состоянія—отношенія религіи къ Церкви и Церкви къ религіи; 3) со стороны теории христіанской или практики, отвлеченія или жизни, умозрѣнія или опыта. Со всехъ сихъ сторонъ христіанство обозрѣно; открыты крайности сихъ взглядовъ; найдена середина, на которой остановилась наша русскійская и вообще грековосточная Церковь.

1) Какія могутъ быть противоположныя крайности перваго взгляда? Первая крайность есть крайность невѣрія. Христіанство, говорить, божественно только въ легчайшемъ смыслѣ, т. е. оно божественно такъ, какъ все хорошее въ родѣ человѣческомъ, но нисколько не чудесное—божественность христіанства естественная. Этотъ взглядъ, не отличающій христіанства отъ естественной религіи, выразился въ повѣй-

шихъ неологическихъ французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ актахъ, у рационалистовъ, деистовъ и друг., которые не отвергаютъ божественности христіанской религіи, но эта, принимаемая ими, божественность есть только тѣнь божественности. Другая крайность: христіанская религія божественна въ самомъ строгомъ смыслѣ, такъ что въ составѣ ея нѣтъ ничего естественнаго, и все что касается до св. кодекса, даже до буквы и формата его, есть божественно. Этотъ взглядъ не выразился въ цѣлыхъ христіанскихъ обществахъ, а въ умахъ частныхъ людей. Сюда, если какіе, то преимущественно должно отнести наши раскольническіе толки, которые удалились въ противоположную крайность въ сравненіи съ иностранцами, особенно по отношенію къ боговдохновенности священнаго Писанія. Эта крайность есть крайность суетѣрія. Среднее мнѣніе въ семъ отношеніи есть слѣдующее: христіанская религія божественна; она пришла къ намъ свыше: но въ составѣ ея участвовало много естественнаго; Промысль, употребивъ чудеса, не оставилъ и естественныхъ средствъ. Это среднее мнѣніе принято всеми главными Церквями и въ древности и нынѣ.

По отношенію къ кодексу откровенія, т. е. касательно числа источниковъ, можно утверждать, что источникъ христіанскаго откровенія есть одинъ, именно: св. Писаніе, какъ это дѣлають лютеране и реформаты; можно также преданіе и ученіе Церкви поставлять выше писанія, что принимаютъ католики; можно, наконецъ какъ думаютъ квакеры и инспиристы, поставлять выше всего внутреннее озареніе. Среднее мнѣніе: все источники, какіе есть, должны быть употреблены въ дѣло; главные источники суть преданіе и писаніе; внутреннее озареніе не можетъ быть совершенно устранено, но, по

своей неопредѣленности, зыбкости и невѣрности, въ умахъ людей теряетъ ту высоту, какую ему приписываютъ.

Въ отношеніи къ способу толкованія христіанской религіи и отношеніи ея къ уму, есть также крайности и середина. Первая крайность—невѣрія: христіанская религія, говорятъ должна быть толкуема по началамъ одного разума; все, что превышаетъ понятіе ума, должно быть отвергаемо, какъ ложное. Эта крайность выразилась преимущественно въ сектѣ соцініанъ, которые утверждаютъ, что разумъ есть не только толкователь, но и судія св. Писанія, что въ немъ нѣтъ ничего превышающаго законы ума, а есть нѣчто кажущееся таковымъ. Въ эту же крайность впалъ и Кантъ, который рекомендовалъ умъ практическій, какъ единственное начало, съ которымъ должно повѣрять истины религіи: всему, утверждалъ онъ, что противно сему началу, должно посредствомъ аллегоріи или другихъ способовъ давать смыслъ другой. Въ этой крайности есть излишнее усвоеніе правъ уму. Другую крайность, противоположную ей, есть слѣпая вѣра въ худшемъ смыслѣ; „вѣрь всему, что ни говорятъ тебѣ, нисколько не испытывая, слѣд., брось все умствованія, не смѣй и думать, такъ ли что-нибудь въ религіи или нѣтъ“. Всякое въ семъ случаѣ сомнѣніе есть уже грѣхъ. Эта крайность выразилась въ иностранныхъ религіозныхъ фанатикахъ; они всегда ставятъ себя предметомъ вѣры, особенно у простаго народа. Среднее мнѣніе: разумъ не есть верховный судія откровенія, ибо въ немъ есть неопостижимыя для него таинства, но есть также и сторона естественная, которую разумъ имѣетъ право понимать и судить; даже въ отношеніи къ таинствамъ онъ можетъ быть толковникомъ, только долженъ дѣлать это съ осторожностію и бла-

горазуміемъ. Этой середины держались и держатся главныя Церкви.

2) Изъ взгляда на отношеніе внутренней религіи къ внѣшней—религіи Церкви, истекаетъ множество разногласій. Тутъ также есть крайнія стороны, есть и середина. Первая крайность: христіанская религія можетъ быть обращена вся во внутрь и состоитъ въ однихъ мысляхъ, чувствованіяхъ, безъ всякой внѣшности или же церковности. Эта крайность выразилась даже смѣшнымъ образомъ въ новѣйшихъ обществахъ—у квакеровъ и индепендентовъ. Они собираются вмѣстѣ, наставляютъ другъ друга, обѣдаютъ и ужинаютъ, по подражанію первенствующимъ христіанамъ, учреждавшимъ общественныя аганы, и тѣмъ все оканчиваютъ; у нихъ нѣтъ ни подчиненности, ни зависимости, ни другихъ религіозныхъ связей и отношеній. Это преобладаніе внутренняго надъ внѣшнимъ неестественно. Другая крайность, противная первой, есть механизмъ суевѣрія. Этой крайности подвержены наши раскольники, которые, вопреки иностранцамъ, вѣрятъ, что Іисусъ Христосъ и апостолы дали не только религію, но и установили Церковь; между тѣмъ какъ только данъ планъ Церкви, а устройство ея предоставлено временамъ послѣдующимъ. Изъ апостольской Церкви перешли къ намъ только 7 таинствъ, а другіе обряды учреждены послѣ. На сію слѣпую вѣру, которая все въ христіанствѣ признаетъ божественнымъ и установленнымъ свыше, напередъ Димитрій Ростовскій, который въ своемъ „Розыскѣ“ такъ говоритъ: „есть въ Церкви сторона недвижимая—основное ея ученіе, и движимая, которая можетъ усовершаться,—церковные обряды. Среднее мнѣніе: въ христіанствѣ должно быть соединено внутреннее съ внѣшнимъ; не только религія отъ

Бога, но и основаніе Церкви. Этого мнѣнія держатся всѣ главныя Церкви; но есть только нѣкоторая разность между протестантами, католиками и нами. Мы говоримъ, что не только религія отъ Бога, но и основаніе Церкви, протестанты не признаютъ нимало божественнаго происхожденія, а католики далеко простираютъ божественность Церкви. Мы съ католиками приписываемъ всѣ таинства установленію божественному; протестанты принимаютъ только два таинства. Мы начало іерархіи признаемъ божественнымъ, у протестантовъ вовсе нѣтъ іерархіи. Теперь, коснувшись внѣшности церковной по частямъ, найдемъ еще болѣе источниковъ разногласія христіанскихъ Церквей. Главное въ Церкви есть іерархія. Ея двѣ стороны: а) отношеніе къ народу, б) отношеніе къ свѣтской власти. Мы утверждаемъ, что церковная власть отъ Бога, по своему происхожденію: это мнѣніе среднее. Оно имѣетъ свои крайности: первая крайность—не вѣрія, преданные коей признаютъ власть церковную божественною въ легкомъ смыслѣ, поколику т. е. все хорошее божественно. Это есть общій взглядъ сектъ свободныхъ. Вторая крайность: вся власть церковная до малѣйшихъ подробностей отъ Бога. Такой взглядъ у католиковъ, по мнѣнію коихъ весь организмъ церковный: папа, помощники его, даже низшія церковныя степени, чтецы, иподіаконы—отъ Бога, и потому власть ихъ божественна. Среднее мнѣніе: въ іерархіи нѣкоторыя степени, какъ-то: епископы и пресвитеры, учреждены Богомъ, а прочія—самою Церковію. Это мнѣніе господствуетъ въ нашей Церкви.

Отношеніе церковной власти къ свѣтской можно представить такъ, что послѣдняя подчинена первой. Такъ представляютъ церковную власть католики и такою была она во время Григорія VII-го

(Гильдебрандта). Такой взглядъ на церковную власть существуетъ въ нѣкоторыхъ малыхъ обществахъ греческой Церкви,—у черногорцевъ, митрополитъ коихъ есть вмѣстѣ и царь. Это одна крайность. Другая крайность есть слѣдующая: вся власть духовная должна быть подчинена власти свѣтской. Эта крайность выразилась у реформатовъ, у которыхъ членъ консисторіи есть свѣтскій человѣкъ.

Отношеніе церковной власти къ народу, по мнѣнію католиковъ, есть слѣдующее: пастыри Церкви имѣютъ надъ народомъ божественное право, не подлежащее изслѣдованію, исключющее всякую аппелляцію. По мнѣнію всѣхъ реформатовъ, отношеніе сіе таково: власть Церкви и народа одна и та же; пастыри Церкви суть не болѣе, какъ представители, коимъ поручена власть сія надъ народомъ, и у коихъ она можетъ быть отнята. Среднее мнѣніе, господствующее въ нашей Церкви и частію у лютеранъ, есть слѣдующее: власть церковная отъ Бога; пастыри церковные въ частныхъ случаяхъ имѣютъ право божественное; но верховный судъ принадлежитъ цѣлой Церкви.

3) Крайности, проистекающія изъ взгляда на отношеніе вѣры къ дѣятельности—теоріи къ практикѣ, и середина, въ коей крайности сіи примиряются. Первая крайность есть перевѣсъ умозрѣнія надъ дѣятельностію. Этотъ взглядъ былъ въ древности въ обществахъ еретиковъ, особливо у гностиковъ. Эти ихъ зоны и разныя теургическія выкладки ни къ чему не служили. Потомъ онъ явился у схоластиковъ, которые христіанской религіи дали видъ диалектики, вовсе ей несвойственной. Нынѣ онъ господствуетъ въ нѣмецкихъ религіозныхъ обществахъ, которые излишнимъ пристрастіемъ къ филологическимъ, архео-

логическимъ и подобнымъ изслѣдованіямъ, превратили христіанскую религію — религію жизни — въ холодную ученость. Вторая крайность есть та, которая подавляетъ всякое умозрѣніе, даже здоровое и особенно въ связи съ эгоизмомъ, не терпящая никакой теоріи. Эта крайность выразилась въ Ш-мъ вѣкѣ у Монтана и Новата, которые учили, что христіанство должно состоять изъ однихъ совершенныхъ, и что однажды согрѣшившихъ должно навсегда отлучать отъ Церкви, т. е. по ихъ мнѣнію христіанство должно состоять въ дѣлѣ, а не въ словѣ. То же говорятъ гернгутеры и недавно распространившіеся методисты. Первые, дорожа одною жизнію или же дѣлами, допустили пункты, служащіе къ безчестію вѣры. Всякій, утверждая, они, можетъ быть христіаниномъ, только бы по ихъ правиламъ жить, не заботясь нимало о образѣ вѣрованія. Еще одинъ подобный пунктъ: вѣрять до излишества въ промысль, или лучше, рокъ—судьбу, и потому женъ избираютъ по жребію въ извѣстные дни. Это крайность: жребій повелителенъ, но тамъ, гдѣ нельзя рѣшить другимъ образомъ, а вступленіе въ бракъ можетъ быть совершенно обыкновеннымъ образомъ, слѣд., тутъ не должно напрасно искунать Бога. Вторые, т. е. методисты, вѣрять, что обращеніе возможно: но оно можетъ быть только мгновенное, вслѣдствіе какого-то наитія. Можетъ быть и такъ, но намъ должно представлять его постепеннымъ. Ибо иначе можно придти къ равнодушію и къ какой-то безопасности на счетъ своего спасенія. Среднее мнѣніе есть то, которое выразилось въ первенствующей Церкви. Тамъ у вѣры не отнималось чистое созерцаніе. Мы видимъ, что тамъ были пророки, изслѣдывавшіе истины религіи; видимъ съ другой стороны удаленіе отъ всѣхъ крайностей, отъ всякаго энтузіастическаго по-

рыва. Вотъ главныя отличія Церквей; Вообще, онѣ расходятся въ мнѣніяхъ своихъ, при взглядѣ на божественность христіанской религіи и на іерархію. Папа есть, такъ сказать, яблоко раздора между христіанами.

Возможно ли примиреніе?

27-е Января, въ Берлинскомъ Университетѣ А. Гарнакъ говорилъ на тему: „Протестантство и католичество въ Германіи“ и въ своей рѣчи поставилъ себѣ трудную задачу—доказать возможность примиренія между враждующими вѣроисповѣданіями. Четыреста лѣтъ идетъ между ними упорная повсемѣстная борьба, то вспыхивая, то затихая, но никогда не прекращаясь. Много было попытокъ сгладить религіозный антагонизмъ, столь вредный для германскаго народа, но каждый разъ безуспѣшно. И вотъ теперь знаменитый профессоръ богословъ, пользующійся симпатіями императора, кандидатъ, какъ говорятъ, въ министры культа, заявляетъ, что онъ нашелъ средство удалить вѣковую вражду. Не мудрено, что рѣчью всѣ заинтересовались и печать всѣхъ направленій поспѣшила отозваться на нее. Прослѣдимъ и мы ея содержаніе.

Гарнакъ прекрасно сознаетъ трудность своей задачи, онъ знаетъ, что для большинства сближеніе между вѣроисповѣданіями—утопія; но онъ такъ же хорошо сознаетъ, какую страшную народную язву представляетъ собою вѣроисповѣданная вражда, какъ разрушительно дѣйствуетъ она во всѣхъ проявленіяхъ народной жизни, а потому онъ утверждаетъ, что, если есть хоть тѣнь возможности примиренія, хоть самая слабая надежда, то было бы безсовѣстно скрывать ее (стр. 1—6). Трудно еще не значить невозможно. 300

дѣтъ тому назадъ никто не могъ и мечтать о томъ, чтобы кальвинизмъ и лютеранство когда-нибудь слились; а между тѣмъ теперь въ Германіи—евангелическая унія, и тысячи нѣмцевъ называютъ себя евангеликами, не думая о томъ, что между ихъ предками,—лютеранами и кальвинистами,—шла когда-то борьба, болѣе ожесточенная, чѣмъ между лютеранами и католиками. Кромѣ того была уже эпоха, именно, сто лѣтъ тому назадъ, когда католичество и протестантство стояли очень близко одно къ другому, такъ что даже священники разныхъ вѣроисповѣданій служили другъ за друга (?). Далѣе, существуютъ тысячи смѣшанныхъ браковъ; католики и протестанты въ одномъ и томъ же семействѣ мирно живутъ между собой, оставаясь при этомъ вѣрными членами своихъ церквей, почему же то, что возможно въ семействѣ, невозможно въ большей общинѣ, въ государствѣ? Наконецъ, никто изъ насъ не выбиралъ вѣроисповѣданія, а принадлежитъ ему по рожденію, и такъ какъ нельзя согласиться съ существованіемъ какой-то міровой гармоніи, въ силу которой католическія души родятся католиками, протестантскія—протестантами, то, очевидно, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ простымъ случаемъ (стр. 7—8). Многие думаютъ, что для рѣшенія вѣроисповѣднаго вопроса стоитъ только исключить вообще религію и церковь изъ общественной жизни; предоставленные самимъ себѣ, протестантство и католичество постепенно будутъ болѣе и болѣе расходиться между собою и вмѣстѣ съ тѣмъ отставать отъ современной культурой жизни, пока не будутъ окончательно отвергнуты народомъ, какъ нѣкій пережитокъ. Гарнакъ не раздѣляетъ этого мнѣнія: политика насилія и преслѣдованій никогда еще не достигала цѣли, а въ особенности въ отношеніи религій; тѣмъ болѣе Германія, пережившая реформацію,

эпоху идеализма, Лейбница, Гердера, Канта, Фихте, Шлейермахера, не можетъ и не должна слѣдовать по тому пути, по которому,—можетъ быть, лишь временно,—пошли романскіе народы.—Сближеніе вѣроисповѣданій нельзя понимать и въ смыслѣ единенія или слиянія, какъ понимали его прежде, когда чрезъ обоюдныя уступки въ догматическомъ ученіи, въ церковной организаціи и пр. пытались достигнуть единства; въ лучшемъ случаѣ такія попытки приводили къ появленію новаго, третьяго вѣроисповѣданія (стр. 9—10).

Но какъ же нужно понимать сближеніе религій? На этотъ вопросъ Гарнакъ отвѣчаетъ вопросомъ—же: что такое религія? И даже развиваетъ свой протестантско-либеральный, „модно-богословскій“ взглядъ на религію, какъ на нѣчто исключительно внутреннее, какъ на „настроенность, не нуждающуюся при своемъ проявленіи во внѣшнемъ единствѣ и формѣ, чтобы объединить одинаково настроенныхъ (etwas Schlechthin Innerliches.. die Gesinnung, welche bei Ihrem Hervortreten nicht der ausseren Einheit und Uniformität bedarf, um Gleichgesinnte zu verbinden)“... „Церкви должны быть не школами догматическаго ученія, а обществами простой вѣры и братской любви, вытекающихъ изъ свободной и горячей души“... „Побольше сердечности, истинной христіанственности и свободы въ церкви, —et caetera adjicientur vobis! Въ остальномъ церкви могутъ поступать, какъ онѣ хотятъ, — миръ не будетъ нарушенъ! — „Католики, поясняетъ Гарнакъ свою мысль поэтическимъ примѣромъ, „живутъ всѣ вмѣстѣ въ древнемъ замкѣ, который строился въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій. Гордые башни возвышаются по сторонамъ, рвы и стѣны защищаютъ замокъ. Внутри—роскошныя залы и темныя подземныя темницы, готическія капеллы,

уютныя комнаты и келліи для кающихся. Протестанты живутъ въ многочисленныхъ разнообразныхъ, легкой постройки, домахъ, въ которыхъ не хватаетъ многого нужнаго. Но вокругъ дворца и домовъ раскинулся общій садъ, облитый солнечными лучами; днемъ здѣсь всѣ работаютъ и только по ночамъ возвращаются каждый въ свое помѣщеніе. Пусть дни будутъ все длиннѣе, а ночи короче! Пусть общая работа на воздухѣ и свѣтѣ объединитъ работниковъ! Пусть церкви прежде всего предоставятъ свободу вѣрующимъ для ихъ общей дѣятельности! Тогда только возможно сближеніе и общеніе и только такого общенія можно пожелать“ (стр. 11—12).

Но что же нужно сдѣлать для выполненія указанной программы? Въ отношеніи къ мірянамъ не трудно отвѣтить на этотъ вопросъ: каждый мірянинъ долженъ сознавать себя прежде всего христіаниномъ и затѣмъ уже католикомъ или протестантомъ, долженъ по возможности избѣгать религіозной распри и стремиться къ общей работѣ съ членами другого вѣроисповѣданія. Однако стремленія мірянъ будутъ безплодны, если сами церкви, въ лицѣ ихъ представителей, не пойдутъ по пути сближенія. Путь этотъ указывается самой исторіей: не слѣдуетъ упорно и искусственно поддерживать распрю, возникшую въ 16 столѣтіи, но нужно вновь пересмотрѣть и критически обсудитъ особенности, раздѣляющія два вѣроисповѣданія. Тогда ясно будетъ, что католики и протестанты за 400 лѣтъ во многомъ измѣнились и что многихъ пунктовъ разногласія между ними теперь уже не существуетъ. Еще недавно ученые протестанты игнорировали ученые труды католическихъ авторовъ и наоборотъ; теперь уже этой нетерпимости

нѣтъ, и въ доказательство Гарнакъ указываетъ нѣсколько католическихъ сочиненій, встрѣтившихъ, благодаря своимъ высокимъ достоинствамъ, дружелюбный приемъ между протестантскими учеными. — Ученіе объ оправданіи только вѣрою или вѣрою и добрыми дѣлами, бывшее когда-то главнымъ пунктомъ раздора, въ настоящее время есть лишь мертвая вѣроисповѣдная формула, историческое недоразумѣніе: ни одинъ протестантъ не будетъ теперь отрицать того, что только та вѣра имѣетъ значеніе, которая проявляется въ любви къ Богу и ближнимъ; съ другой стороны, и современный католикъ не будетъ признавать тѣхъ „заслугъ“, которыя не исходятъ изъ благодати Божіей и вѣры. — То же самое можно сказать и объ ученіи о Св. Писаніи и Св. Преданіи. Какая ожесточенная борьба происходила изъ-за этого пункта? А теперь, со времени Лессинга, протестантскіе ученые, убѣдились, что Св. Писаніе и Св. Преданіе не могутъ быть раздѣляемы, что собраніе и канонизація новозавѣтныхъ книгъ представляютъ собою уже часть Преданія. Но, съ другой стороны, и католическіе ученые пришли къ убѣжденію, что нельзя принимать Преданія безъ критики и что по важнѣйшимъ вопросамъ христіанства единственнымъ достовѣрнымъ источникомъ является Новый Заветъ. — Въ ученіи о богослуженіи, о литургіи, о жертвѣ также замѣчается сближеніе. Недавно одинъ католическій ученый написалъ книгу о первоначальномъ христіанскомъ понятіи о жертвѣ, о литургіи, объ алтарѣ, и подъ этой книгѣ можетъ подписаться каждый протестантскій церковный историкъ. Еще ранѣе также католическимъ ученымъ издана лучшая книга о древнехристіанскомъ богослуженіи. Въ этихъ книгахъ указывается постепенное возникновеніе богослужебныхъ чиновъ, постороннія вліянія, многообразныя пе-

редѣлки. Но разъ съ католической стороны допускается мысль о развитіи и чуждыхъ вліяніяхъ, то и со стороны протестантовъ можетъ возникнуть вопросъ, удовлетворительна ли та форма богослуженія, которая принята имя въ 16 столѣтіи въ противовѣсъ католичеству, не слишкомъ ли отгѣсненъ въ ней принципъ искупительной жертвы, не желательно ли усиленіе въ ней эстетическаго элемента и т. д. Наконецъ, развѣ не могутъ мирно существовать рядомъ различныя формы богослуженія, сообразно съ различными религіозными потребностями и наклонностями людей? Объединила же евангелическая унія протестантовъ, изъ которыхъ одни понимаютъ таинство евхаристіи символически, другіе реально. — Флацій и другіе протестанты отрицали фактъ пребыванія Апостола Петра въ Римѣ и возникновеніе идеи римскаго приматства относили къ позднѣйшимъ временамъ. Теперь несомнѣнно, что Ап. Петръ былъ въ Римѣ и что идея приматства существовала въ церкви во второмъ вѣкѣ. Съ другой стороны, католическіе ученые убѣдились, что доказать фактъ двадцатипятилѣтняго пребыванія Ап. Петра въ Римѣ невозможно и что примать Рима понимался въ древнѣйшія времена существенно иначе. — По вопросу объ аскетизмъ и монашество въ католицизмѣ существуетъ теперь два взгляда: 1) монашество есть высшая степень совершенства, небесная, ангелоподобная жизнь; 2) совершенство состоитъ въ добродѣтеляхъ вѣры, надежды и любви; находится ли христіанинъ въ мірѣ или внѣ міра, — безразлично, въ послѣднемъ случаѣ лишь легче достигать этихъ добродѣтелей. Замѣчательно, что въ послѣднее время болѣе выдвигаютъ этотъ послѣдній взглядъ и даже утверждаютъ, что первый — не истинно-католическій. Но и протестантство, съ своей стороны, начинаетъ мириться съ идеальной стороной

монашества, оно признаетъ, что т. наз. евангельскіе совѣты содержатъ въ себѣ высокую нравственную истину и что для церкви весьма желательно существованіе такого класса людей, которые ради служенія ближнему рѣшились бы отказаться отъ дозволенныхъ благъ. Въ этомъ смыслѣ въ 19 вѣкѣ появились въ евангелической церкви институтъ діакониссъ и прочія подобныя учрежденія, точно такъ же какъ и католицизмъ создалъ новыя, свободныя благотворительныя организаци, въ которыхъ трудно найти признаки древняго монашества. — Единственный пунктъ, по которому соглашеніе невозможно, — это католическое ученіе объ авторитетѣ церкви и папы. Но и здѣсь Гарнакъ не теряетъ окончательно надежды; онъ увѣренъ, что въ средѣ самого католичества произойдетъ постепенный переворотъ, признаки котораго онъ видитъ въ католической литературѣ. За каждымъ абсолютнымъ авторитетомъ скрывается, т. сказать, „Autorite anonyme“, отъ котораго онъ самъ зависимъ; въ данномъ случаѣ — консервативное настроеніе правящихъ классовъ и — массы; измѣнится это настроеніе, — измѣнится и абсолютный авторитетъ (стр. 13—26).

Таковы уроки исторіи. Но что же нужно дѣлать теперь для достиженія, вѣроисповѣднаго мира? Гарнакъ выставляетъ четыре *ria desideria*: 1) нужно уничтожить всякую связь религіи съ политикой; пока вѣроисповѣданіе вплетаются въ борьбу политическихъ партій, — не можетъ быть истиннаго мира; протестантизмъ уже созналъ это, но большинство католиковъ еще нуждается въ напоминаніи; 2) нужно избѣгать излишнихъ споровъ и неправильныхъ способовъ борьбы; первые состоятъ въ томъ, что церкви упорно упрекаютъ одна другую въ прошлыхъ, уже исправленныхъ, ошибкахъ, послѣдніе — въ томъ, что хорошую теорію своей церкви срав-

ниваютъ съ дурною практикой другой церкви; теорію слѣдуетъ сравнивать съ теоріей, а практику съ практикой; 3) протестантскіе и католическіе ученые должны стараться основательнѣе изучить религію другой церкви; съ обѣихъ сторонъ немало предразсудковъ и недоразумѣній, удаленіе которыхъ быстро подвинетъ впередъ дѣло мира. Желательно было бы, напр., чтобы католическіе богословы слушали лекціи протестантскихъ богослововъ и наоборотъ, чтобы богословы обѣихъ вѣроисповѣданій сходились на общіе конгрессы для обсужденія—на первыхъ порахъ, по крайней мѣрѣ,—историческихъ вопросовъ; 4) обѣ религіи должны давать больше простора въ своей собственной средѣ свободному развитію, стремящемуся къ высшему единству. Если всѣ эти пожеланія будутъ осуществлены, то хотя внѣшняго единенія религій и не получится, но зато будетъ достигнута высшая степень единства, внутреннее общеніе (стр. 27—31).

Рѣчь Гарнака, какъ мы уже говорили, обратила на себя всеобщее вниманіе; но принята она была въ общемъ довольно холодно... Только либералы поддержали его. Консервативная же протестантская печать рѣшительно высказалась противъ Гарнаковской программы сближенія. „Reichsbote“, напр., находитъ, что Гарнакъ повторяетъ раціоналистическія идеи прошлаго столѣтія: тогда также считали возможнымъ уничтожить вѣроисповѣданія и создать общую для всѣхъ религію; между тѣмъ религія невозможна безъ вѣроисповѣданія, и главнѣйшимъ препятствіемъ къ сближенію католичества съ протестантствомъ является именно тотъ внѣвѣроисповѣдннй протестантизмъ, къ которому принадлежитъ Гарнакъ и въ средѣ котораго господствуютъ постоянныя распри между деистами, пантеистами, монистами, натуралистами и пр. Еще

недружелюбнѣй отнесли къ проекту Гарнака католики. „Schlesische Volkszeitung“ напр.,—органъ кардинала Коппа,—выступилъ съ весьма рѣзкимъ отзывомъ по поводу затѣи либеральнаго профессора. Она называетъ эту затѣю полнѣйшей утопией... Католичество непогрѣшимо и безупречно. Требованіе Гарнака, чтобы католики не смѣшивали религіи съ политикой,—безтактность... Если Гарнакъ будетъ министромъ культа, то противъ него поднимется возстаніе, какъ противъ Арія, такъ какъ онъ—законопреступникъ по отношенію къ своему королю и родинѣ...

Очевидно, *ria desideria* Гарнака попали на неблагоприятную почву.

Діаконъ Н. Сахаровъ.

(Богосл. Вѣстн.).

Письмо епископальнаго епископа Джонсона папѣ Пію X.

[Предметъ письма очень симпатиченъ. Значеніе объединенія христіанскаго міра для болѣе успѣшной борьбы съ силами тьмы, съ невѣріемъ, съ язычествомъ и пр., понятно каждому здравому человѣку, и цѣль эта д. б. близка сердцу каждого христіанина. Увы!... Даже сторонники епископа Джонсона не медлятъ съ заявленіемъ, что онъ вступилъ на ложный путь, обратившись къ римскому папѣ за починомъ. Намъ приходилось видѣть и слышать образованныхъ и всецѣло преданныхъ идеѣ христіанскаго единенія людей,—изъ которыхъ одинъ Н.Н.Л. совершаетъ эту святую работу и сейчасъ въ С. Штатахъ, наполняя ею вечерніе дни жизни своей,— и они почти всегда ставили крестъ на латинской церкви въ смыслѣ приглашенія ея къ сотрудничеству въ великомъ дѣлѣ объединенія христіанства: безнадежно и бесполезно. Тамъ гдѣ фанатизмъ запо-

нили все, и наслоенія потемнили существо вѣры и науки Христовой и изгнали Христа изъ Церкви, водворивъ туда, какъ главу, простого человѣка, — искать въ такомъ дѣлѣ сотрудничества, снисхожденія, и братской любви нечего: отсюда раздается только приказъ и требованіе безпрекословнаго повиновенія, слѣпое послушанія, и все, кромѣ членовъ латинской церкви, посылаются прямо въ адъ... Починъ долженъ принадлежать другимъ вѣтвямъ Христіанской Церкви, которымъ и слѣдуетъ сближаться, возрастать во взаимномъ пониманіи, въ крѣпости количественной и качественной, и располагать, елико возможно, фанатическую западную латинскую сестру къ разумнымъ и необходимымъ уступкамъ.

Во всякомъ случаѣ, такія письма, являясь отголоскомъ сознанія ненормальности религіозныхъ раздѣленій, имѣютъ ту хорошую сторону, что будятъ стремленіе къ лучшему положенію вещей, и заставляютъ мысль человѣческую РАБОТАТЬ и работать на пользу того дѣла, которое должно составлять главнѣйшую цѣль каждаго христіанина.]

Епископальный епископъ Западнаго Тексаса Джонсонъ, въ бытность свою въ Манилѣ, написалъ письмо папѣ Римскому Пію X, которое и было вручено папѣ чрезъ кардинала Префекта Пропаганды. Хотя на письмо и не послѣдовало отвѣта, но оно несомнѣнно папой получено, такъ какъ стало предметомъ комментаріевъ со стороны американскихъ римско-католическихъ журналовъ. При этомъ комментаріи идутъ видимо изъ одного источника, такъ какъ они формулированы совершенно одинаково во всѣхъ журналахъ. Все они соглашаются, что „въ письмѣ засвидѣтельствованъ тонъ явной искренности и ревности о славу Божіей, который ведетъ къ надеждѣ, что ранѣе или

позже епископъ Джонсонъ найдетъ покой и отдохновеніе въ нашей святой матери Церкви“.

Вотъ это письмо.

„Манила, Ф. О. Дек. 25, 1906.

Папа Піи, преосвящ. и дорогой братъ!

Въ упованіи, что мной водить Духъ Святой, я писалъ письма каждому изъ вашихъ ближайшихъ предшественниковъ по предмету Христіанскаго Единенія. Хотя я и не знаю ни того, дошли ли они по назначенію, ни того, позволятъ ли вамъ видѣть ихъ, однако я чувствую, что я облегчу свою совѣсть, если адреснусь и къ вамъ по этому же предмету, потому что истекшій промежутокъ времени только подчеркнулъ его важность. Сдѣлавъ это, я остальное предаю Господу, вашему и моему.

Это дѣло часто давило на мое сознаніе съ того самого момента какъ вы были возведены на свой высокій и отвѣтственный постъ, происходя отъ „простаго народа“, который такъ часто избираемъ былъ Богомъ къ совершенію великихъ дѣлъ для Него, какъ говоритъ апостоль Павелъ; 1 Кор. I. 26—29; Не много изъ васъ мудрыхъ по плоти, не много сильныхъ, не много благородныхъ; но Богъ избралъ не мудреѣ міра, чтобы посрамить мудрыхъ, и немощное міра избралъ Богъ, чтобы посрамить сильное; и незнатное міра и уничиженное и ничего не значущее избралъ Богъ, чтобы упразднить значущее, для того, чтобы ни какая плоть не хвалилась предъ Богомъ“. Затѣмъ всегда передавали о васъ, какъ съ искренно любящемъ Богомъ, что вы засвидѣтельствовали своею любовью къ ближнему: главное же, говорятъ, вы являете твердость въ своихъ убѣжденіяхъ и въ предѣлахъ, дозволенныхъ вамъ обстоятельствами вашего высокаго положенія, вы дерзаете мыслить и дѣлать такъ, какъ полагаете правильнымъ.

Но какъ только такія мысли приходятъ въ мою голову, я говорю себѣ, отгоняя ихъ: „безполезно, ему все равно не позволять прочесть мое письмо. И ничего добраго изъ этого не выйдетъ“.

Но когда, прочитавъ Il Santo, при посѣщеніи сей отдаленнѣйшей части земнаго шара, я узналъ изъ этой книги, которую всякій читаетъ, сколько вашихъ законныхъ духовныхъ дѣтей въ Италіи, прямо у вашего порога, взываютъ о реформациіи и прекращеніи злоупотребленій, парализующихъ эту великую и вліятельную вѣтвь Вселенской Церкви Божіей, возглавлять которую вы призваны, я почувствовалъ, что не могу долѣе молчать, и долженъ говорить, станете ли вы слушать или не съумѣете перенести.

Кто знаетъ, быть можетъ, именно для такой дѣли вы и были утверждены, вопреки вашимъ многократнымъ протестамъ, въ той должности, которую теперь занимаете. Если вы были отважны достаточно чтобы противостоятъ и побѣдить французское правительство, то не скажете ли такое мужество, отказавшись слушать голоса вашихъ немудрыхъ совѣтниковъ, угваривающихъ васъ закрыть ухо ваше отъ крика вашихъ дѣтей о реформѣ. Не устрашать ли васъ ужасныя событія въ Россіи и не даруете ли вы успокоенія, иначе будетъ поздно и люди снова, какъ въ шестнадцатомъ столѣтіи, стануть искать его внѣ, а не внутри Церкви.

Вы знаете хорошо, что дѣло Христово постигъ новый изъ кризисовъ, чрезъ которые оно прошло въ своей долгой и обильной событіями исторіи. Вамъ вѣдомъ фактъ, что настоящій кризисъ есть наиболѣе опасный изъ всѣхъ прочихъ и что на Церковь Божию, во всемъ ея объемѣ, какъ на общество вѣрующихъ въ Иисуса Христа какъ Божественнаго Спасителя міра, ополчились наиболѣе могущественные и коварные враги, съ какими ей когда либо

приходилось очитаться, по истинѣ, со дней Арія, когда краеугольному камени ея бытія, ученію о божественности Христа, угрожали разрушеніемъ. Случись послѣднее въ четвертомъ вѣкѣ, и все теченіе ея славной исторіи было бы весьма отлично отъ нынѣшняго, потомучто это помѣстало бы Основателя ея въ одну категорію съ Гавтамой, Конфуціемъ и Магометомъ.

Такая же катастрофа угрожаетъ и нынѣ и развила уже свою разрушительную силу между всѣми сословіями и состояніями, людей во всѣхъ странахъ христіанскаго міра. Не только это, — но огромная масса „простого народа“, вѣрная еще Иисусу и признающая Его своимъ Учителемъ, Другомъ и Братомъ, потеряли вѣру въ Церковь какъ организацію, какъ не отражающую уже Его ученія въ дѣлѣ, какъ на словахъ. Церковь во всѣхъ своихъ вѣтвяхъ кажется имъ плѣненной богатыми и состоятельными, которые пытаются направлять ее для своихъ собственныхъ своекрытыхъ разчетовъ въ этомъ мірѣ, такъ чтобы обезпечить себѣ, чрезъ гипокритское употребленіе ея внѣшнихъ постановленій, надежное мѣсто въ будущемъ мірѣ.

Если не сдѣлать чего нибудь къ тому, чтобы остановить этотъ отливъ отъ всего организованнаго христіанства, можно навѣрняка опасаться, что закончится онъ ужасающимъ несчастіемъ, которое уже постигало человѣческой родъ, ибо если не будетъ Отца небеснаго глаголавшаго намъ въ Сынѣ, дабы увѣрить насъ въ нашемъ божественномъ сыновствѣ, а вмѣстѣ и въ братствѣ всѣхъ людей, то что остановить людей отъ обращенія ихъ снова въ дикихъ звѣрей терзающихъ и гнеущихъ слабѣйшихъ какъ въ тѣ минувшіе вѣка, отъ которыхъ мы такъ долго и такъ медленно оправлялись съ помощью ученія откровеннаго Слова.

Мнѣ думается только одно врачевство есть отъ такого ужасающаго несчастья, и это возстановленіе того единства, о коемъ нашъ Господь молился, и которое, когда исполнится, будетъ убѣдительнымъ доказательствомъ Его божественнаго характера и миссіи. Св. Іоанна, II, 19, 21-23.

Если такъ, то какъ достичь такого единенія?

Для меня единственный разумный отвѣтъ на этотъ вопросъ, — что такое единеніе можетъ быть достигнуто только на почвѣ нѣкоторыхъ основныхъ началъ нашей религіи, на которой только и возможно согласить широкое разнообразіе во мнѣніяхъ и догмахъ. Эти основныя начала кратко и ясно суммаризованы въ Апостольскомъ Символѣ. Все, внѣ этого символа, теорія, т. е. богословіе, — мысли людей по великимъ предметамъ изъясненнымъ въ символѣ, по которымъ они никогда не могутъ придти къ соглашенію и никогда и не должны бы приходили къ послѣднему, такъ какъ это кончилось бы прекращеніемъ всякихъ сужденій по наиболее жизненнымъ вопросамъ, когда либо волновавшимъ человѣческую мысль, путемъ которыхъ человѣкъ постепенно восходилъ отъ бездны, по коей онъ нѣкогда бродилъ во тьмѣ, на высоты, по коимъ онъ путешествуетъ теперь во свѣтѣ. Попытка утвердить такое соглашеніе угрозой наказаній здѣсь или въ загробномъ мірѣ будетъ и надалѣе, какъ это было и въ прошломъ, недоброй и разрушительной неудачей.

Говорить людямъ, что они будутъ осуждены на вѣчныя мученія за то, что не вѣрятъ нѣкоторымъ метафизическимъ положеніямъ, которыхъ они не могутъ уразумѣть, и которыхъ, разъ въ нихъ не вѣрятъ, не могутъ и повѣдать, — значитъ побуждать ихъ отвергать, или просто страшиться Бога, Который предлагаетъ такія условія спасенія. Люди могутъ

быть приведены къ разумной степени соглашенія по части фактовъ, когда они достаточно автентичны, но не въ отношеніи теорій.

Безъ сомнѣнія чловѣку вашего трезваго разума и добраго здраваго смысла должно казаться совершеннымъ дон-китотствомъ ожидать, чтобы протестанты, представляющіе собою теперь господствующія политическія, интеллектуальныя и моральныя силы міра, могли какимъ либо чудомъ убѣдиться въ необходимости передѣлать всѣ убѣжденія своей совѣсти, и принять какъ необходимыя для вѣчнаго спасенія догмы, не имѣющія санкціи отъ Нераздѣленной Церкви ея первыхъ и чистѣйшихъ дней, когда потокъ преслѣдованія удержалъ ее свободной отъ ложныхъ доктринъ также какъ и отъ ложныхъ учениковъ, и не опирающіяся притомъ на писанномъ Словѣ Божіемъ.

Оставить въ сторонѣ могущественныя интеллектуальныя и моральныя силы, представляемыя этими людьми, и всетаки ожидать подвести остальной міръ къ ихъ возвышенному моральному стандарту, безъ ихъ содѣйствія, а только съ такими силами, какія римско-католическая Церковь въ состояніи снарядить, было бы, въ виду такихъ результатовъ, какіе обнаружались въ тѣхъ странахъ, въ коихъ оно уже сотни лѣтъ простирало свое исключительное вліяніе, какъ въ Центральной Америкѣ, Мексико и на этихъ островахъ, дѣтскими грозами людей неспособныхъ справиться съ такими огромными проблемами, какія предстоятъ на лицо.

Итакъ, разъ вы знаете о неудовлетворенности римско-католической церковью во Франціи, Испаніи и Италіи, и понимаете, что она совершенно обезпечена въ своихъ правахъ только въ протестантской Англии, Германіи и Соединенныхъ Штатахъ, можете ли вы отказаться отъ предположенія, что вы призваны возглавлять

свою Церковь, и, въ глазахъ ея приверженцевъ, чуть ли не съ божественною властью, именно для тѣхъ запросовъ, которые нынѣ существуютъ.

Не могли ли бы вы откликнуться на запросы эти и созвать, не соборъ, а конгрессъ всѣхъ христіанъ для обсужденія, въ видахъ дальнѣйшаго дѣйствования, необходимыхъ шаговъ къ возстановленію христіанства въ томъ чрезвычайномъ вліяніи, какое ему нѣкогда было присуще надъ человѣчествомъ, и которому теперь грозитъ опасность отъ нашихъ несчастныхъ раздѣленій, парализующихъ его силу и угрожающихъ, — если не имѣтъ въ виду пророчества о его незыблемости во вѣки, — даже самому его существованію.

Въ то время какъ міровыя державы, включая языческія страны, приготовляются къ конгрессу въ Гагѣ, дабы обезпечить миръ міра, — развѣ не срамъ неизлагоданный, что всѣ христіане не могутъ имѣть подобнаго же собранія для обезпеченія мира Церкви? И какъ та конференція обязана своимъ существованіемъ временной главѣ (!) восточной вѣтви Церкви*), какъ бы цѣлесообразно было, чтобы конгрессъ, о которомъ я говорю, былъ созванъ духовнымъ главою наибольшей вѣтви Западной Церкви!

Такое собраніе, созданное завою въ этихъ критическихъ обстоятельствахъ, наполнило бы все христіанство до глубины существа надеждою и радостью, и заставило бы темныя силы трепетать о возможности потери ихъ настоящаго злого го-

*) Почтенный епископъ странноымъ образомъ повторяетъ здѣсь ошибку столь свойственную западному міру, называя Государи нашего главою Восточной Церкви. Мы склонны думать, что прелату епископальной церкви, высказывающему сужденія по такому отвѣтственному вопросу, и дважды ссылающемуся на Россію въ своемъ письмѣ къ папѣ, слѣдовало бы быть нѣсколько осмотрительнѣе и освѣдомленнѣе.

сподства надъ человѣческою расой, столь значительную часть которой они держатъ въ своихъ узахъ.

Такое начинаніе понято было бы какъ свидѣтельство грядущаго лучшаго, и всѣ христіане всюду снова начали бы, какъ въ первые дни христіанства, взирать на Римъ какъ на руководителя въ великомъ стремленіи человѣчества впередъ къ окончательному искушенію отъ силы вражіей въ Царствѣ Правды, здѣсь на землѣ, къ коему праведный въ концѣ концовъ навсегда восторжествуетъ надъ неправеднымъ; о коему Господь нашъ учитъ ежедневно молиться, и которое, согласно Его увѣренному слову, есть „божественное событіе къ коему все созданіе движется“, когда „небеса исполнятся вѣдѣнія Божія какъ воды покрываютъ море“. Привести въ силу вліяніе, которое въ концѣ вызвало бы такіе благословенные результаты, безъ сомнѣнія уготовало бы для васъ, въ день встрѣчи со Спасителемъ радостное привѣтствіе: „Добрѣ сотворилъ сси, благій и вѣрный рабе, вниди въ радость Господа Своего“.

Я не престану молиться, чтобы вы или какой либо ближайшій преемникъ вашъ, мощною силою Духа Святаго воздвигнуть былъ на высоту сего разсужденія и такимъ образомъ пришелъ бы въ помощь Господу супротивъ могущественныхъ силъ ада, которыя повидимому готовы разстроить міръ.

Отъѣздъ о. протоіерея Іоанна А. Кочурова

Недавно оставилъ нашу Миссію одинъ изъ старѣйшихъ ея работниковъ протоіерей-благочинный о. Іоаннъ Александровичъ Кочуровъ.

Лучшимъ и нагляднѣйшимъ памятникомъ его трудовъ здѣсь является пре-

красный храмъ, сооруженный имъ въ Чикаго, — въ приходѣ, которымъ безсмысленно почти двѣнадцать лѣтъ завѣдывалъ о. Іоаннъ, — и самый этотъ приходъ, найденный о. Кочуровымъ при вступленіи на службу въ страшно запущенномъ, хаотичномъ состояніи, а теперь представляющій собою одну изъ виднѣйшихъ церквей въ нашей Сѣверо-Американской Миссіи.

Сколько трудовъ положено было отъ ѣхавшимъ собратомъ нашимъ въ это дѣло пастырскаго строительства, — не будемъ и говорить. Надо было видѣть тотъ разваливающийся домикъ въ глухомъ кварталѣ г. Чикаго, въ которомъ ютилась прежде православная церковь, и въ котсромъ привелось жить о. Іоанну въ первые годы своего пребыванія въ этой странѣ! Заплѣсневлый отъ сырости, размытый въ своемъ основаніи, этотъ домикъ являлъ собою очагъ всякихъ заболѣваній, и здѣсь о. Іоаннъ и его семья на всю, м. б., жизнь подточили свой организмъ ревматизмомъ и недомоганіями.

Идеалистъ, прямо со школьной семьи, восторженно мечтавшій о своей миссіонерской дѣятельности въ невѣдомой странѣ на пользу заблуждающихъ братій, о. Кочуровъ не видѣлъ этихъ неудобствъ, и, забывая свои лишенія, видѣлъ впереди себя одну цѣль — устроенія дома Божія.

Этотъ идеализмъ окрылялъ его. Онъ помогъ ему склонить сердце Руси къ нуждамъ ея американскихъ единовѣрцевъ. Чистая душа пастыря располагала благодетелей русскихъ къ даваніямъ, и невозможное осуществилось! Православный храмъ засіялъ своимъ крестомъ въ громадномъ градѣ Чикаго!

Мы не дѣлаемъ перечня заслугъ о. Іоанна, не перечисляемъ въ подробностяхъ всѣхъ обстоятельствъ его дѣятельности. Желających подробнѣе ознакомиться съ нею отсылаемъ къ описанію празднованія десятилѣтія его служенія въ

Америкѣ.

Мы только еще разъ подтверждаемъ, что въ лицѣ о. протоіерея І. А. Кочурова миссія наша проводила честнѣйшаго, благороднѣйшаго человека, отзывчиваго собрата, нелѣстнаго работника въ виноградникѣ Христовомъ, всегда бережно хранившаго Божію копѣйку, дѣлающаго дѣла Божіи со всякимъ страхомъ.

Откровенный до того, что не умѣлъ скрыть внутреннѣйшихъ движеній своего чувства, всегда благожелательный, „богобоязненный и благоговѣйный“, — какъ назвалъ его бывшій нашъ святитель Преосвящ. Николай, — о. Іоаннъ побѣждалъ всѣхъ своею прямою, отсутствіемъ всякой ходульности и неискренности.

Подростающія дѣти, необходимость отдать ихъ въ школу, позвала о. Кочурова на родину. Сюда же звалъ его и старецъ-тесть, желавшій сдать ему свой приходъ въ Петербургѣ. Увы! За недѣлю до отъѣзда о. Іоанна пришла вѣсть въ Америку о смерти этого старца. Къ грусти разставанія со своей паствой, со своимъ храмомъ, прибавилась и еще грусть.

Проводы его паствою отличались большой сердечностью. Здѣсь о. Іоанну пришлось услышать много отраднато изъ устъ даже тѣхъ, кто вносилъ ранѣе не мало терній въ его пастырское дѣло.

Въ Нью-Йоркѣ сослуживцы чествовали своего отбывающаго собрата и семью его братскими проводами и пожеланіемъ благополучія въ грядущей работѣ на новомъ поприщѣ.

Богъ да утѣшитъ о. Іоанна и семью его въ горѣ и благословитъ его всякимъ благословеніемъ!

Редакторъ,

Каѳедральный Протоіерей А. Хотовицкій
